

Армию — на электрическую «табуретку»!

Совершенно секретно
Агент №10 Большому Боссу.

Приветствую тебя, Большой Босс!

Внедрение прошло успешно. Здесь, в рашенской колонии, прописался. Прописка состоит в энном количестве потребленного спиртного на душу гостя из метрополии и аборигена. Я получил первый прокол и первый урок. Урок в том, что они сели за руль и как ни в чем не бывало, уехали, а я прокололся. Мой авто кто-то на стоянке зацепил, но виноват остался я. Приехала полиция и потребовала документы. Полисмены меня предупредили, чтобы в следующий раз готовил больше денег. А пока за мои документы, за мою, как они сказали, липу, они взяли с меня тысячу баксов. Меня так прямо и спросили:

- Ты, вижу, нелегал?

Я промолчал. Второй спросил:

- Крыша-то у тебя хоть надежная?

Я утвердительно кивнул головой, мол, да! Подумал, провал, сейчас брать будут, лучше сразу сказать, откуда я, чтобы напрямую с вами связались, на предмет обмена.

- Да, - говорю, - на вашу полицейскую похожа. Только покруче будет.

Они мне вернули документы и еще за тысячу баксов меня с почетным эскортом доставили домой.

Просьба, Босс! Я не знаю теперь, что у меня липа: паспорт и регистрация или водительское удостоверение? Разберись, пожалуйста. Я пока на метро. Ты, Босс, здесь служил, лучше меня знаешь русский язык, поэтому я постараюсь все нюансы разговора в донесениях тебе передавать.

Объяви благодарность старшему сержанту Биллу за три его магические золотые правила. Помнишь, первое его правило: копай глубоко! Зря мы над ним смеялись в свое время. Он действительно видел нас насквозь каждого на три метра вглубь.

Так вот, стал я копать глубоко на Табуреткина, и что выяснилось. Похоже, он какой-то дальний родственник Биллу. Помните, когда он

вернулся из России со стажировки, то стал рассказывать, что у него полно там родственников аристократического происхождения, с приставкой «де». Де Билл. Значит, дворянин. И он тоже хочет, сказал он начальству, чтобы у него в паспорте была приставка «де». Не просто Билл, а де Билл.

У Табуреткина то же самое получилось. В ПТУ, где он набирался высоких познаний, стали делить группу на тех, кто будет на компьютерах учиться, а кто табуретки сбивать.

- Я буду табуретки сбивать! — заявил Табуреткин. Вызвался он один. Охотников больше не нашлось. Его заметили.

- Дебил, но хват!

- Чего это я дебил, - обиделся Табуреткин - я, если захочу, до министра орлом взлечу.

- Дуб ты, Табаретка, кто тебя министром поставит?

- Поставят! Я придумал электрическую табуретку.

- Да что же ею делать?

- Сажать на нее всяких...этих са-мых!

- Кого сажать?

- Да кого хошь! Хоть вас, хоть армию! Всех трясти будет! От меня!

Сообщаю, ПТУ Табуреткин не осилил, а вот дипломом юриста

владеет. В этой стране каждый второй — юрист. Вчера ходил на крутой корпоратив. В Москве, если корпорация с долей государственного участия, то корпоративы в ней — почти еженедельно. Вчера был на одном таком светском междусобойчике — на презентации нового способа распила государст-

го. А то у него любимая присказка, как у того олигарха, что на нарах сейчас клопов давит: «У кого нет миллиарда, пошли отсюда в...». Жду разрешения на вербовку. Мне кажется, он жирный политический гусь. Гости с подобострастием внимали его сентенциям об отсутствии миллиарда. У него он, должно быть, есть.

Возвращаюсь к Табуреткину. Он, похоже, отработанный материал. У него есть клички: Диван Диваныч, пахан Толик.

Босс, подвел я некоторые предварительные итоги его пятилетки. Впечатляет. Думаю, это наш сукин сын.

А вот на чем он спалился. Как мне сказал один большой чиновник, Табуреткин не по понятиям себя повел. Я спросил, а как надо по понятиям?

- Ха! По понятиям - делиться надо, а не жрать шашлык в одиночку под одеялом. Поэтому на него бочку и покатили. И вообще он руку дающую перестал лобызать.

Я тут бессистемно собрал все претензии аборигенов к нему и пришел к выводу: наш он человек. С потрохами наш. Баскак от транснационального капитала. В его деяниях есть все: и надменный смех, и страны исчезнувшей страдания. Без мата с подчиненными не общался, генералы у него были, как грузчики в подсобке мебельного магазина. Вдохновлялся в чужой спальне музейными картинами.

Парад принимал так, будто он выиграл Первую и Вторую мировые войны: томный, полулежа, словно барин на веранде господского дома. Армию одел в форму от Юдашкина. Чихают и кашляют солдатушки, браво-ребятушки, мрут, как мухи, от воспалений легких.

Босс, так, как он с армией разобрался, нам даже в самом заветном сне не могло привидеться. Будто мысли наши потаенные читал. Правда, у нас за это ему электрический стул светил бы, но это уже не наше дело.

Дальше. Сократил офицерский корпус сразу на 350 тыс. человек. До сих пор большая часть офицеров без жилья маяется. Баб вместо

мужиков набрал. Подолами будут страну в случае чего прикрывать.

Военно-воздушную академию Жуковского и Гагарина перевел в Воронеж. Академию радиационной защиты - в Кострому. Позабавился еще с десятками академий - которые слил одну с другой, которые — чохом позакрывал.

Военно-морской штаб с глаз своих вельможных убрал. Купил четыре Мистрала. Все смеялся, «поставлю по периметру, пусть меня охраняют, когда рыбачить на море соберусь». Действительно, больше ни на что они не пригодны. Сократил военные городки в сорок пять раз и успел часть продать. Было 1850, останется 42.

Даже заправочный терминал стратегических подводных лодок передал в частные руки! Полностью почистил весь высший командный состав. Из тринадцати тысяч танков запланировал оставить три тысячи. Для парада.

Босс! Шифрограмма не может вместить перечень всех тех добрых дел, что сделал для нас Табуреткин. Но основной итог таков: была армия - и нет ее, через колено сломали.

Мы победили, Босс. Разгром и развал полный. Поэтому, Босс, имею конкретное предложение: срочно выдвинуть Табуреткина на Нобелевскую премию мира. И вбросить в массы лозунг: «Табуреткин — редкостный мер..., мер...мироворец».

Дать ему фонд рядом с фондом Меченого. Пусть вдвоем продвигают дальше демократию в этой варварской стране. Если же посчитаете, что потенциал его не исчерпан, надо срочно двигать его выше. Кадр просто бесценный.

Большой чиновник, когда мы после пятой рюмки скорешились, сказал, чтобы я не дергался. Все идет по намеченному плану. Табуреткин - парень свой. Поскользнулся немного на кремлевском паркете - с кем не бывает. А так очень «эффективный менеджер». Их два Толика таких «эффективных». Жду по нему дальнейших указаний.

Агент №10.

О прошлом — правду

«Не сотвори себе кумира»

«Второй крупный шаг массового насилия над крестьянством»

Разогнав 3 июня 1907 года Государственную думу, царизм праздновал победу. Царское правительство, возглавляемое П.А.Столыпиным, беспощадно расправлялось с рабочими и крестьянами. Всюду свирепствовали карательные отряды и военно-полевые суды. Они зверски расправлялись со всеми, кого подозревали в принадлежности к революционному движению. Тысячи участников революционной борьбы были казнены, десятки тысяч осуждены на каторгу.

Правительство тем временем решало вопросы дальнейшей политической жизни страны, понимая, что на одних репрессиях далеко не уедешь. Самодержавие стало на путь лавирования между различными классами. Такой «бонапартизм» был неизбежен в условиях острейших противоречий между капиталистическим развитием страны и феодальным землевладением. Самодержавие вынуждено было, как писал В.И.Ленин, «эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке». В этих условиях крепостники-помещики вступили в политический блок с буржуазией.

От прежней политики сохранения полуфеодального общинного землевладения царизм перешел теперь к насильственному разрушению общины и насаждению частной капиталистической собственности на землю.

В основе аграрного законодательства лежал царский указ от 9 ноября 1906 года, по которому каждый крестьянин, пользовавшийся землей на общинном праве, мог в лю-

бое время потребовать передачи надела в личную собственность. Домохозяин мог требовать взамен разрозненных участков отруб, то есть землю в одном месте. Особенно поощрялся выход крестьян на хутора, выделение за пределы села и деревни.

14 июня 1910 года этот указ с некоторыми изменениями, дававшими новые льготы кулачеству, был одобрен III Государственной думой и стал законом.

Наибольшее количество хозяйств, вышедших из общин, пришлось на 1908 и 1909 годы (54%). Среди выделившихся из общины преобладали крайние группы — зажиточные крестьяне и беднота. Кулаки выходили из общины, чтобы увеличить свое землевладение, а беднота — чтобы продать наделы и тем самым окончательно порвать с сельским хозяйством. С 1908 по 1915 год 1,3 млн. домохозяев продали 4,3 млн. десятин земли.

В лавировании между помещиками и кулачеством правительству помогал Крестьянский банк. Чтобы замедлить убыль дворянского землевладения, он искусственно поднимал цены на землю. Среди крестьян в то время было популярно изречение: «Банк — петля».

Столыпинская реформа значительно ускорила дифференциацию крестьянства и пролетаризацию деревни. Разорившиеся крестьяне пополняли ряды городских и сельских рабочих.

Аграрная политика царизма ставила своей целью также массовое переселение крестьян за Урал, подальше от помещичьих имений. Всего с 1906 по 1910 год в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток переселились более 2,5 млн. человек.

Ответственные за переселение чиновники проявили себя в «лучших» традициях отечественной бюрократии — совершенно не подготовили перевозку и устройство на месте такой массы крестьян. Переселенцев отправляли в переполненных товарных вагонах. Десятки тысяч людей погибли в дороге от голода и эпидемий.

Совершивший поездку в Сибирь Столыпин вынужден был признать, что около 700 тыс. крестьян не получили участков на новом месте и батрачили у местных богатеев.

После 1909 года переселенческая волна ослабла. В то же время стало быстро расти количество обратных переселенцев. Их положение было особенно тяжелым — они пополняли ряды батраков или шли по миру.

Несмотря на стремление царизма уничтожить общинное землевладение, оно все же

оставалось преобладающим. Отруба и хутора составляли лишь одну десятую часть крестьянских хозяйств Европейской России. По-прежнему сохранялись полукрепостнические формы помещичьей эксплуатации — отработки и испольщина.

Препевающие хуторяне тонули в массе нищих. Они, выселившись из общины, потеряли право на общественные пастбища, а для собственных не имели земли. Вышедшие на хутора крестьяне-бедняки теряли земли за просрочку очередных платежей в Крестьянский банк.

Вопреки расчетам на умиротворение деревни, «землерасстройство», как называли столыпинскую реформу крестьяне, до крайности обострило классовые отношения в деревне.

Татьяна Наумова